

Эти красивые дети были либо похищены на рынке, либо проданы родителями, которых нужда загнала в угол. У каждого своя боль, каждый выплакал своё горе по ночам. Когда слёзы высыхали и силы иссякали, сердце понемногу черствело, и тогда жить становилось чуть легче.

Однако новый девятилетний мальчик проявлял необычайное спокойствие и равнодушие.

Он был хорош собой, а красивая родинка под левым глазом доводила эту «хорошесть» до совершенства. Молча он устроился на свободном месте кана, обхватив колени руками.

Но стоило ему сесть, как все остальные дети, обычно неподвижные, словно каменные изваяния, повернули головы и уставились на него с изумлением, будто он совершил нечто неподобающее.

Мальчик с родинкой не понимал смысла этих взглядов и озирался по сторонам, ища ответ.

Вскоре один из более опытных детей дал ему невнятный совет:

— Не сиди там. Это место маленького господина Цзи.

Мальчик с родинкой вызывающе склонил голову набок и не собирался сдвигаться с места.

Обитатели хижины, уже изучившие местные порядки, тут же составили о нём мнение.

Вот он, сорвиголова. Наверняка болтался по улицам, возможно, его похитили, привык к одиночеству. А по сложению видно — в уличных драках ему нет равных.

Поняв, что толкового совета такому не дашь, старожил снова бросил невнятную фразу:

— ...Ладно. Но запомни: с маленьким господином Цзи лучше не заговаривай.

Не успел он договорить, как дверь хижины распахнулась изнутри.

Вошёл Цзи Саньмэй. Тяжёлая дверь захлопнулась за ним, громко щёлкнул замок, отрезав детей от внешнего мира.

Мальчик с родинкой презрительно взглянул на лицо Цзи Саньмэя — и дыхание у него захватило.

Лицо было удивительно прекрасным, ярким и чистым. В мягком, пыльном свете он шагал в его сторону, и походка его была столь же изящной, как у знатного юноши, которого мальчик с родинкой когда-то видел на улице.

...Как это хрупкое создание могло заслуживать звания «господина»? Почему с ним нельзя было разговаривать?

Мальчик с родинкой сжал кулаки, ожидая, что предпримет Цзи Саньмэй.

Обнаружив своё место занятым, Цзи Саньмэй не разозлился. Он выбрал другое, присел на краю кана боком и окинул мальчика с родинкой оценивающим взглядом.

От долгого взгляда на это лицо у мальчика пересохло в горле. Желая скрыть странное чувство, он спросил с вызовом:

— ...Чего уставился?

Расслышав его акцент, Цзи Саньмэй слегка приподнял уголки губ, и на щеке появилась очаровательная ямочка.

С этой обольстительной улыбкой он уверенно произнёс:

— ...Ты из Сунчжоу.

Мальчик с родинкой остолбенел.

С тех пор как он себя помнил, он скитался с родителями, бежавшими от голода. Четыре года назад родители умерли от болезни, так и не успев сказать ему, откуда они родом.

— Откуда ты знаешь?

Цзи Саньмэй, подражая его говору, тихо ответил:

— Родной говор не скроешь.

Мальчик с родинкой побледнел. С тех пор как умерли родители, он больше не слышал этого знакомого, родного говора. Сердце его невольно оттаяло, и вся бравада куда-то испарилась.

Ребёнок, предупредивший мальчика с родинкой не разговаривать с Цзи Саньмэем, увидев это, лишь пожал плечами, достал из рукава карты и молча начал играть с соседом.

Мальчик с родинкой удивился, откуда здесь карты, как вдруг Цзи Саньмэй приблизился к нему.

Вблизи лицо казалось ещё прекраснее. Мальчик с родинкой отпрянул:

— Ты что делаешь?

Цзи Саньмэй улыбнулся, потянулся поверх его плеча, упёрся ладонями в два дымчатых кирпича и лёгким движением сдвинул их.

Мальчик с родинкой с изумлением наблюдал, как несколько кирпичей в руках Цзи Саньмэя движутся по немыслимой траектории. Наконец один из них отделился от стены. Цзи Саньмэй запустил руку внутрь и вытащил из полости две чашки и тыкву-горлянку.

Придерживая горлышко, он налил вина в чашку под шокированным взглядом мальчика:

— ...Вино отменное.

С этими словами он стукнул глиняные чашки друг о друга, и раздался чистый звон:

— За Сунчжоу. Выпьем до дна.

...На вкус вино и вправду оказалось густым, с ароматом зерна. Но Цзи Саньмэй, видимо, что-то в него подмешал, и по запаху ничего особенного уловить было нельзя.

Какими же чудесными способностями нужно обладать, чтобы раздобыть вино в таком месте?

...Да он выглядит как самый обычный раб.

Чашка вина сгладила острые углы мальчика с родинкой. Восстановив стену, Цзи Саньмэй

снова уселся на край кана и заговорил с ним необычайно мягким голосом.

Его тёплый голос в сочетании с родным говором грели, как слова из сна. Мальчик с родинкой, словно заколдованный, поведал ему всю свою историю.

Выслушав её, Цзи Саньмэй спросил:

— Хочешь, чтобы твои родные знали, где ты?

Чашка вина и откровенный разговор уже пробили брешь в его защите:

— У меня нет родных.

Цзи Саньмэй улыбнулся:

— Есть. У тебя есть бабушка с дедушкой. Ты же говорил, когда начался мор, старики не захотели покидать родные края.

Мальчик с родинкой даже не знал, как выглядят его бабушка с дедушкой. У него были все основания полагать, что они погибли от той страшной болезни. Но он невольно последовал за голосом Цзи Саньмэя и позволил себе помечтать.

— ...Они думают о тебе. Гадают, как выглядит внук, которого никогда не видели. Каждый день они стоят у околицы и ждут, когда ты вернёшься. Там есть дверь, что всегда открыта для тебя — и днём, и ночью. Там горячий суп с лапшой и тёплая постель...

Голос Цзи Саньмэя обладал магической силой. Дождавшись, когда в глазах мальчика с родинкой расцветёт мечта, он едва заметно улыбнулся:

— ...Всего одно письмо — и твои бабушка с дедушкой узнают, где ты. Они найдут тебя.

Чувства мальчика с родинкой были уже полностью во власти Цзи Саньмэя:

— Но... письмо не отправить.

— Если я смогу пронести вино, то и письмо отправить смогу.

— А чернила и бумага?

— Само собой, есть.

— Даже если бабушка с дедушкой узнают, где я, они не смогут меня выкупить. Я не выйду из рабства...

— По крайней мере, они будут знать, где ты. Будут знать, что ты жив. Смогут навестить.

Мальчик с родинкой прикусил губу, краем глаза глянув на стену, где была спрятана бутылка.

Он начал верить, что за ней могут скрываться и другие надежды, но всё ещё колебался:

— ...Я не умею писать.

— Я немного умею.

— Я не знаю, где мой дом...

— Сунчжоу — захолустный округ. Насколько я знаю, там живёт меньше пятисот семей.
...Помнишь имена родителей? Помнишь? Отлично. Раз так, разве будет трудно найти твою семью?

От этих ободряющих слов мальчика с родинкой охватила такая горечь, что глаза наполнились слезами, и он не мог вымолвить ни слова.

В этот момент Цзи Саньмэй поднял палец:

— Письмо домой, как известно, ценится на вес золота. Так что за труды и риск я возьму с тебя небольшую плату. Как насчёт этого?

Мальчик с родинкой, только что паривший в мечтах о бабушке с дедушкой, был ошеломлён, словно его окатили ледяной водой:

— У меня нет денег.

...И так ясно: каждого, кого сюда приводят, раздевают догола. Ни камешка пронести нельзя, что уж говорить о деньгах.

В глазах Цзи Саньмэя блеснула хитрая искорка:

— ...Появятся.

<http://bllate.org/book/16281/1466046>